

*Н. А. Развадовская,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской
и зарубежной литературы БГПУ*

ФЭНТЕЗИ А. САПКОВСКОГО: ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ МИФА И СКАЗКИ

Анджей Сапковский является, пожалуй, единственным польским писателем, создающим фэнтези. Справедливости ради следует упомянуть Ф. Кресса, Э. Беоленску и Г. Демски, которые также работают в жанре фэнтези, но их произведения не получили такой популярности, как произведения А. Сапковского, чьи романы издаются не только на польском, но и на чешском, немецком, русском, белорусском и украинских языках.

Как и для любого художественного направления, для фэнтези характерны определенные «фундаментальные духовно-содержательные и эстетические принципы» [1, с. 232]. Количество этих принципов в работах исследователей варьируется (например, у С. Шамякиной их 11), но основополагающим, бесспорно, является один: конструирование «Вторичного Мира», при котором писатель создает культурный, исторический, географический антураж для описываемых событий (под «Вторичным Миром» Д. Толкиен, придумавший этот термин, подразумевал мир, созданный индивидуальным воображением человека и отличающийся от мира объективной реальности). Творя свой собственный фэнтезийный мир, писатель может идти двумя путями: полностью или частично заимствовать реальную мифологическую (как вариант сказочных персонажей из реальных сказок) систему, либо придумывать собственные мифологические реалии и персонажей. Естественно, что А. Сапковский, работая в жанре фэнтези, в согласии со своей теорией, но подчиняясь базовому принципу этой литературы, придумывает свой Вторичный Мир, выбирая при этом третий путь: он смешивает элементы реальных мифологических систем и мифологию, вымышленную им самим. В результате на страницах романов польского писателя сосуществуют как персонажи, широко распространенные в мифах западноевропейских и славянских народов, так и придуманные самим автором или другими создателями фэнтези.

Сюжеты романов о ведьмаке Геральте А. Сапковского достаточно типичны для фэнтези: воин-маг (также весьма распространенный в литературе фэнтези тип героя), созданный для того, чтобы защищать людей, путешествует по миру, сражается с нечистью, защищает слабых, восстанавливает справедливость. Для того чтобы сюжет был динамичным и интересным для читателя, А. Сапковский и включает в свои произведения реалии и персонажей, заимствованные из западноевропейских и славянских мифов, которые при этом либо свободно интерпретируются писателем, либо остаются неизменными. Подкрепим наше утверждение примерами, назвав несколько мифологических персонажей, чаще всего встречающихся в романах А. Сапковского:

1. Упырь – персонаж славянской мифологии. По мифологическим представлениям это существо, убивающее людей и сосущее из них кровь или поедающее людскую плоть. Аналогом упыря в восточнославянских мифах является вурдалак, а в западноевропейской ему соответствует вампир. Но в XIX в. в народном сознании эти образы дифференцировались. А. Сапковский сохраняет не только сущность первоначального мифологического образа, но и его дифференциацию (роман «Последнее желание», глава «Ведьмак»). Также в романах А. Сапковского встречается брукса – португальский аналог вампира. В отличие от западноевропейских вампиров португальская брукса – существо исключительно женского пола; так как в бруксу превращались женщины, занимавшиеся черной магией. В произведениях А. Сапковского образ бруксы полностью соответствует мифологическому первоисточнику («Последнее желание», глава «Крупница истины»).
2. Русалка – персонаж, встречающийся в мифах практически всех народов Западной и Восточной Европы, однако носит он разные имена (мавки на Украине, вилы в Сер-

бии и Болгарии, шутовки на Урале и т. д.), и имеет разный внешний вид. Западноевропейские русалки (в англоязычных бестиариях употребляется слово «mermaid») внешне напоминают собой гомеровских сирен, в славянских мифах (в англоязычных бестиариях употребляется слово «gusalka») русалки имеют антропоморфный вид и ничем не отличаются от людей (рыбий хвост появился в поздней русской литературе под влиянием западной традиции). В романах А. Сапковского мы встречаем и русалок, и сирен, но эти образы существенно отличаются от своих мифологических первоисточников. Оба персонажа связаны со стихией воды, но русалки обитают в пресных водоемах (вероятно, в этом образе сливаются черты славянских русалок и древнегреческих нимф), чаще всего обладают обычной или непривлекательной внешностью и враждебны людям («Последнее желание», глава «Крупница истины»). Сирены живут в море, отличаются красотой и нейтральны по отношению к человеку, реже – дружелюбны (например, сирена Шъееназ в романе «Меч предназначения», глава «Немного жертвенности»).

3. Леший (лесовик, лесник, лисун, дикий мужичок и т. д.) – персонаж славянской мифологии, имеющий разные обличья, но чаще всего его представляли либо в образе дряхлого старика, либо косматого чудища с козлиными ногами, рогами и бородой. Леший живет в лесах, является их хранителем, а потому требует, чтобы человек, входя в лес, уважал лесные законы и не причинял лесу вреда. К хорошим людям он доброжелателен, помогает выйти из леса, найти грибы, ягоды, плохих людей морочит и пугает. В романах А. Сапковского образ лешего практически полностью соответствует мифологическому первоисточнику («Последнее желание», глава «Край света»). Иногда в качестве синонима к слову «леший» писатель использует слово «сильван», бывшее в римской мифологии именем бога лесов и дикой природы, то есть сильвана можно рассматривать как аналог славянского лешего (роман «Последнее желание», глава «Край света»).
4. Кикимора (шишимора, суседка, маара и т.д.) – преимущественно отрицательный персонаж славянской мифологии, один из видов домового (или жена домового), чаще всего живут в помещениях, но есть и болотные кикиморы. У разных народов

кикимора имеет свой облик: это и безобразный карлик с маленькой головкой и длинным, тонким туловищем, и маленькая дочка, и сгорбленная старушка, одетая в лохмотья, смешная и неряшливая, и девушка с длинной косой одетая в одноцветную рубаху, и замужняя женщина в повойнике и т. д. А. Сапковский чаще всего использует в своих произведениях образ кикиморы болотной, то есть существа, живущего на болотах и нападающего на человека, в первую очередь на детей. В данном случае мы можем говорить о частичной трансформации мифологического образа, т. к. мифологическая кикимора не убивала, а похищала детей.

5. Эльфы – волшебный народ в германско-скандинавской и кельтской мифологии и фольклоре. Описания эльфов в различных мифологиях отличаются, но, как правило, это красивые, светлые существа, духи леса, дружелюбные человеку. Эльфы являются постоянными персонажами фэнтези, поэтому не удивительно, что и А. Сапковский использует этих персонажей в своих произведениях. Однако в отличие от традиционной мифологической трактовки эльфы у А. Сапковского враждебны по отношению к людям: ведь люди изгнали эльфов с их земель («Последнее желание», глава «Край света»).
6. Баба-Яга – персонаж славянской мифологии и фольклора, старуха-ведунья, иногда оборотень, по своим свойствам ближе всего к ведьме. В. Я. Пропп выделяет 3 вида Бабы-Яги: дарительница, похитительница, воительница [2, с. 111]. Таким образом, этот персонаж обладает двойственной природой, он совмещает в себе и доброе, и злое начало, тем не менее, злобность и агрессивность Бабы-Яги не являются доминантными чертами (аналог славянской Бабы-Яги существует и в немецком фольклоре: фрау Холле или Берта). А. Сапковский часто вводит в свои произведения этот типичный для славянской мифологии персонаж, но при этом лишает его традиционной амбивалентности: Баба-Яга у него становится сугубо отрицательной.
7. Гномы (дверги, дворфы, нибелунги и т. д.) – традиционные персонажи германской и скандинавской мифологии. Согласно мифам, это бородатые карлики, живущие под землей и славящиеся богатством и мастерством. Однако в литературе фэнтези в большей степени закрепился толкиеновский архетип гнома: воинственные бородачи, молодцеватые и грубые, своеобраз-

ное воплощение архетипа Фальстафа. Именно с такими гномами читатель встречается в романах А. Сапковского, однако вместо привычного для фэнтези слова «гномы», писатель использует польское название «краснолюды» (*krasnoludki*).

8. Домовой – у славянских народов домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие.
9. Ночницы (будихи, щекотихи) – в славянской мифологии ночные демоны, лишаящие детей здорового сна, их представляли в виде приведений, летучих мышей или женщин, одетых во все черное. Согласно мифам, ночницами становились бездетные ведьмы.

При этом два последних персонажа не подвергаются трансформации, то есть А. Сапковский полностью следует мифологической традиции, включая образы домового и ночницы в свои произведения.

Следует также упомянуть о том, что многие хорошо известные персонажи западноевропейских мифов получают новые имена: греческих дриад простолоюдины именуют духобабками, оборотень становится доплером, векслингом, подвойняком, мимиком (по нашему мнению, последнее название заимствовано из компьютерных игр) и т. д.

Помимо заимствований из славянских и западноевропейских мифов А. Сапковский часто использует в своих произведениях мифологию Востока: мантихор (индийские мифы), гуль, джинны, ифриты, марида (арабские мифы); мифических персонажей, придуманных другими авторами, – хоббит Д. Толкиена (в русских переводах – низушок, в оригинале А. Сапковского – низёлук). Кроме этого, польский писатель придумывает собственных персонажей и дает им в большинстве случаев славянизированные имена, используя уже существующие слова или заимствуя их, или образуя новые: жряк, жагница, выворотень, глумец, мгляк, гравейр (вероятно, является видоизмененным словом «грайвер» – персонаж компьютерных игр, аналог гуля), хиррик, вилхвост, риггер, водороски и т. д.

При конструировании Вторичного Мира А. Сапковский опирается не только на мифы, но и на сказки. При этом в отличие от многих авторов фэнтези польский писатель чаще всего использует не фольклорные сказки, (хотя есть и исключения, например, на фольклорно-сказочном мотиве предназначения построен сюжет романа «Меч предназначения»), а литературные. В своем творчестве

А. Сапковский часто обращается к «готовым» сказочным сюжетам, при этом он никогда не использует прямую цитацию. Это аллюзия на знакомую с детства сказку, в которой писатель по иному, сообразно собственному мировоззрению расставляет идейно-эмоциональные акценты. Так, в главе «Осколок льда» (роман «Меч предназначения») упоминается сказка о Королеве Зимы, в которой читатель легко узнает сказку Г.-Х. Андерсена «Снежная Королева». Однако вложенная в уста героини романа, колдуньи Йеннифэр, сказка обретает другое звучание: Королева Зимы становится символом неосуществимой мечты и неразделенной любви. Именно с Королевой Зимы идентифицирует себя Йеннифэр, а ведьмак Геральт, влюбленный в колдунью, – жертва, ищущая, но не находящая любви. Таким образом, А. Сапковский подводит читателя к мысли, что у любви ведьмака и колдуньи нет будущего.

В том же романе (глава «Немного жертвенности») А. Сапковский обращается еще к одной сказке Г.-Х. Андерсена – «Русалочка». И все же история любви сирены Шъееназ и короля Агловаля – это не история любви русалочки и принца, и не потому, что жертвенная любовь русалочки по сути своей безответна, а Шъееназ и Агловаль любят друг друга. Главное для А. Сапковского – ситуация выбора, в которой оказываются влюбленные: любовь, ради которой нужно поступиться привычным образом жизни или личным комфортом и собственническими интересами. А. Сапковский показывает, как мучителен этот выбор, поэтому сначала ни сирена, ни король не хотят уступать, но отказ от любви не только мучителен, но и разрушителен для них, и в итоге Шъееназ ради любимого превращается в человека: «А что это за любовь, когда любящий не может иногда хоть чем-то пожертвовать?» [3, с. 476]. В понимании А. Сапковского способность преодолеть эгоистичные желания есть проявление высшей любви, а подобная любовь не может не быть вознаграждена. Именно поэтому история Шъееназ и Агловаля имеет счастливый финал в отличие от «Русалочки» Г.-Х. Андерсена. В «Крупнице истины» (роман «Последнее желание»), рассказывающей о любви чудовища Нивеллена и бруксы Вереены, без труда обнаруживаются параллели со сказкой Лепренс де Бомон «Красавица и чудовище». Но знакомый сюжет А. Сапковский изменяет практически до неузнаваемости: волшебный цветок превращается в розу, необычность которой заключается лишь в синем цвете, разбойник Нивеллен превращен в чудовище за

то, что участвовал в разграблении древнего святилища, а возлюбленная Нивеллен оказывается вампиром. Подобный прием не только позволил А. Сапковскому создать новый, оригинальный вариант известной сказки, но и вновь акцентировать внимание читателей на проблеме выбора. Нивеллен, узнавший о том, что его возлюбленная убивает людей, оказывается перед выбором: позволить Вереене убить Геральта и, следовательно, дать возможность и далее убивать или же спасти ведьмака, уничтожив бруксу, свою любимую. Таким образом, Нивеллен вынужден выбирать между личным счастьем (любовь) и нравственными принципами (жизнь Геральта), и свой выбор он делает в пользу нравственных принципов. Нивеллен, пожертвовавший своим счастьем ради других, доказал, что он изменился, и тем самым заслужил награду: заветное оказалось снято, и Нивеллен превратился в человека.

Ситуация выбора вообще одна из принципиальных закономерностей фэнтези А. Сапковского. В этой ситуации рано или поздно оказываются все персонажи писателя, который последовательно доказывает, что выбор является главным моментом в жизни каждого человека, и все, что герой делает, лишь приближает его к выбору, который определит его дальнейшую судьбу. Но проблема выбора является также и одним из основных принципов сказки. Выбор пути, он же выбор жизненного пути, необходим герою, по той простой причине, что все «объединяется вокруг одной нравственной проблемы, которая и находится в центре волшебной сказки. Это проблема морального выбора, встающего перед героем и другими персонажами» [4, с. 100].

Создание Вторичного Мира предполагает обязательное конструирование его культуры. Чаще всего культура Вторичного Мира – это «условное европейское средневековье» [5, с. 111]. Утверждение Д. Громова и О. Ладыженского как нельзя лучше характеризует мир, созданный А. Сапковским. Его цикл о Геральте, действительно, уводит читателя в средневековый мир, условность которого лишь в том, что государств, описанных А. Сапковским, – Ривиии, Цинтры, Лирии, Аэдирна, Нильфгаарда, – никогда не существовало. В целом же мир, в котором живет и действует ведьмак Геральт, – это мир зрелого средневековья. Польский писатель вводит в свои произведения реалии, характерные для европейской культуры XII–XIII вв. Так А. Сапковский упоминает трубадуров (Люттик, Эсси) и их поэзию (автор включает в романы стихотворения, напоминающие средневековые баллады,

а также песни вагантов), рыцарей (Эйк из Денесле; Фальвик, граф Мойон; Тайлес из Дорндаля), куртуазию, говорит о появлении различных религиозных ересей, об университетах, где помимо богословия изучается философия, литература, медицина и право, о цеховой организации ремесел и т. д. Таким образом, перед глазами читателей действительно разворачивается картина жизни средневековой Европы. Однако А. Сапковский идет дальше, он насыщает свои произведения не только реалиями европейского, но и славянского и польского быта. Приведем лишь несколько примеров.

Крестьяне в романе именуется «кметами», термином, широко распространенным в Средние века у славянских народов и имевшим различные значения: в частности в Польше кметами называли зависимых крестьян и именно в этом значении данное слово используется А. Сапковским. Сельского старосту зовут солтысом. Именно так в Центральной и Восточной Европе в Средние века называли главу деревни, в современной же Польше словом «солтыс» именуют главу нижней территориальной единицы.

Персонажи романов А. Сапковского часто едят и пьют в трактирах, то есть постоянных дворах (название произошло от польского «traktjer») или корчмах, то есть питейных заведениях, которые были широко распространены у славянских народов. А. Сапковский употребляет и другие слова (каганец, сермяга, сермяжник, войт, копейщики и т. д.), с помощью которых в его романах создается славянский и польский колорит.

Таким образом, А. Сапковскому удалось решить поистине титаническую задачу – создать не только оригинальное национальное, то есть польское фэнтези, но и гармонично вписать его в славянское и западноевропейское.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь литературоведческих терминов / ред. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение. 1974. – 509 с.
2. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
3. Сапковский, А. Геральт: Последнее желание. Меч Предназначения. Кровь эльфов. Час презрения: [фантаст. романы] / А. Сапковский. – М. : АСТ: АСТ Москва, 2006. – 1163.
4. Юдин, Ю. И. Сказка и история / Ю. И. Юдин // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : Сб. науч. тр. / под ред. Б. Н. Путилова. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – С. 93–101.
5. Шамякина, С. Литература фэнтези: дифференциация понятия и жанровая характеристика / С. Шамякина //

Verbo tenus (У прасторы слова): Філалагічныя эцюды. – Мінск: РІВШ БДУ, 2003. – С. 109–124.

SUMMARY

Myth and fairy tale are at the origin of fantasy literature: they influenced significantly the genesis of literary plots. This article analyzes the principles of transformation of mythological and fabulous stories, themes and characters in a number of novels by Polish writer A. Sapkowski. To make the plot dynamic and interesting for the reader, the Polish writer includes into his works realities and characters borrowed from Western European and Slavic myths, which either are freely interpreted by the writer, or remain unchanged.

Also while constructing the Secondary World, A. Sapkowski bases on fairy tales. Thus the Polish writer more often uses not folklore, but literary fairy tales. The creation of the Secondary World supposes compulsory construction of its culture. And indeed, in A. Sapkowski's novels the picture of life of Medieval Europe is set before the reader's eyes. However, the writer goes further - he fills his works with realities of not only European, but also of Slavic and Polish life. Thus, A. Sapkowski managed to solve the truly titanic task - to create not only original national, i.e. Polish fantasy, but also to embed it harmoniously into Slavic and Western European fantasy.

Поступила в редакцию 12.12.2014 г.